

Светлана Сугарова

Солнце

12+

Светлана Анатольевна Сугарова

Солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63010517

SelfPub; 2020

Аннотация

Люди настолько привыкли к солнцу, что оно перестало быть чем-то удивительным и необыкновенным, стало обыденной и неотъемлемой частью нашей жизни. Но представьте, что однажды мир погрузился в вечный сумрак, лишенный света, цветов, деревьев... А воспоминания о солнце превратились в далекую, нереальную, фантастическую и туманную легенду...

Содержание

1	5
2	23
3	32
4	41

Был когда-то мир, когда светило солнце. Был мир, когда голубело небо. И было время, когда росли и распускались цветы.

1

Рит сидел на старом, развалившемся пне возле своего дома. В голове, как всегда, кружились горькие мысли, пронеслись обрывки воспоминаний, похожие на клочки серого тумана. Вот уже два года, как он остался один. И эти два года казались ему какой-то сплошной и огромной бесконечностью. Дом опустел, стал чужим, безрадостным, и он бы никогда не возвращался в него, если бы ему было куда пойти. Но идти Риту было некуда, и поэтому он каждый день по многу часов кряду сидел на своем любимом пне и предавался отстраненным, далеким думам и воспоминаниям. Издали его согбенная фигура напоминала тоскливую корягу, сиротливо торчащую из голодной земли кривым зубом. Но в этом плотном душном, словно живом сумраке легко было ошибиться.

Наконец, Рит шевельнулся и, чуть слышно вздохнув, пробормотал:

– Пойду я, – он ласково похлопал ладонью по трухлявому, изъеденному глубокими морщинами боку пня, словно тот был живым существом и тяжело поднялся.

Но Рит не пошел в дом, напротив, он медленно двинулся прочь от него по узкой, почти неуловимой тропинке, что уводила куда-то все дальше и дальше в самые глубокие недра сумрака. Рит не боялся. Он ходил этой дорогой сотни раз и мог бы пройти ее даже с закрытыми глазами в кромеш-

ной тьме. Но вокруг была не крошечная тьма, а скорее, прозрачная, но угрюмая ночь. Ночь, которую Рит не выносил и ненавидел, ночь, которая никогда не кончалась. К ней уже давно было пора привыкнуть, но Рит не мог смириться. И все потому, что он принадлежал к числу тех немногих, что видели своими глазами солнце и еще помнили, как ярко и удивителен его свет, ласкающий землю. Да, он видел солнце – настоящее, горячее, ослепительно-золотое, – под которым так хотелось жить, дышать, смеяться, но это было давно, так давно, что сейчас кажется лишь сном. Но он видел солнце, видел его жаркий диск, и от этого окружающая его липкая, колючая, давящая ночь была еще горше. Нынешнее поколение никогда не ведало солнечного света, а то, чего не видел и чего не знаешь, по тому и страдать незачем. А Рит страдал, потому что был стар, как тот давно погибший пень, оставшийся от некогда сильного, ветролюбивого, шумного дерева, что не выдержало разлуки с ярким светилом. Страдал, потому что еще помнил прежнее время и прежний мир. Тех, кто помнил его, остались единицы. Почти все сгнули в первые же годы вечного сумрака. А он выжил, хотя жить не имело смысла.

И теперь он снова, в который раз шел туда, где ему было спокойно, туда, где осталось его сердце, туда, куда он однажды возвратится, но уже навеки. Рит привычно пробирался меж каменными холмиками кладбища. Наконец, он остановился перед бугорком, обложенным белыми, словно светя-

щимися камнями.

– Здравствуй, Лирана, – тихо проговорил Рит и устало опустил на один из камней. Мир и без того тихий, казалось, и вовсе замер в безмолвии. Где-то на грани видимости меж могильных холмов бродила какая-то смутная тень, видимо, тоже какой-то бедолага, как и он, остался один-одинешенек и для которого теперь поговорить с усопшим – единственная отдушина.

Рит снова посмотрел на белые камни и в тысячный раз пожалел, что нынче нет цветов. Лирана их очень любила. Она была очень жизнелюбивой и красивой, его Лирана. Она любила гулять с ним ясными солнечными днями, когда небо над головой синее-синее, а ветерок чуть слышно качает развесистые кроны зеленых деревьев. Ее светлые теплые волосы украшали венки из полевых цветов, а в глазах играли веселые зайчики. Такой Рит и запомнил ее навсегда – вечно юной, смеющейся, счастливой, с букетом в руках, который он подарил ей тогда, в дни их зарождающегося романа. Все было по-другому в то время: было солнце, были цветы, были надежды, было счастье и казалось, что так будет всегда и навечно. Но вот уже два года, как он остался один, и вот уже целую вечность нет солнца, нет цветов, надежды, счастья и жизни тоже нет. Лирана не смогла вынести этой ночи, она слишком любила свет.

Рит еще долго сидел на камнях. Возвращаться домой ему не хотелось. Он снова глянул на тихое кладбище в поисках

понурой фигуры, что бродила меж камней. Та была неподалеку, стояла, преклонив колени перед одним из могильных холмиков. Полумрак и низко опущенная, словно в молитве, голова, создавали такое ощущение горя и отчаянной безысходности, что даже у Рита защемило сердце. Фигура не шевелилась, стояла, словно окаменев, целиком поглощенная своими бедами и горькими мыслями. Посидев еще немного и сказав тихое «прощай» Лиране, Рит направился домой. Проходя мимо печально согбенной фигуры, он остановился. Та не шелохнулась при звуке его шагов, также безмолвно стоя на коленях. Рит взглянул на могилу. Серые камни надгробья ничем не отличались от множества других, но на одном, плоском, стояла миниатюрная чашечка на ножке, и в ней горел трепетный крохотный огонек. Рядом лежало простое колечко.

Рит стоял молча, боясь вмешиваться в горестную тишину и тоскливо, с какой-то яростной обреченностью смотрел на язычок пламени. Глухая боль, которая, казалось, остыла, неожиданно вновь разгорелась, раскалив землю под ногами, и он уже хотел было броситься прочь, потому что вдруг с новой устрашающей силой нахлынули воспоминания, горечь и слабость, разбередив больное сердце, но фигура у могильного холма в этот момент, словно сбросив оцепенение, шевельнулась. Упал с головы капюшон плаща, открыв длинные светло-золотистые волосы, и Рит увидел глаза – наивные, невыразимо печальные, полные слез, что медленно и неудер-

жимо стекали по бледным щекам и капали на камни. Она не испугалась его присутствия, просто молча смотрела на него снизу-вверх, не утирая слезы, и не в силах их остановить.

Секунду назад Рит хотел уйти, но сейчас, увидев эти золотистые волосы, что будто смеялись над вечной ночью, эти погасшие заплаканные глаза, эти преклоненные колени, это всепоглощающее отчаяние, что будто впечаталось в каждую черточку лица, заставили его остановиться. Перед ним была худенькая, тонущая в просторном, слишком большом для нее плаще, девочка лет десяти – одиннадцати. Рита поразила эта юность. Он никогда за всю свою жизнь не видел такой не по годам взрослой, страдающей, измученной юности. В ее недетских глазах за болью и непониманием таилось что-то такое, чего никак нельзя ожидать от десятилетнего ребенка. Сердце Рита невольно сжалось.

– У вас тоже кто-то умер? – вдруг спросила она. Голосок ее был тихий и словно надломленный.

– Да, моя жена, – почему-то Рит был рад тому, что девочка заговорила с ним. Наверное, ему просто хотелось поговорить с кем-нибудь. Но девочка не сказала больше ни слова, снова отвернулась. Рит не видел, но знал, что она опять беззвучно плачет. Он присел рядом.

– Знаешь, – немного помолчав, сказал он, – когда умерла моя жена, мне тоже казалось, что рухнул весь мир. Казалось, что вместе с ней умер и я сам, но прошло время, и я понял, что все еще живу, дышу, думаю, а боль, что резала

меня, словно острые ножи, притупилась, поутихла. И тебе станет легче, дай только пройти времени.

– Я не могу ждать, ведь время идет так медленно! – девочка порывисто повернулась к нему, на белом лице блеснули лихорадочные глаза. – Я умру, если буду надеяться только на него! Скажите, что помогло вам выжить? Прошу вас, скажите!

О, как это хрупкое создание сейчас напоминало его самого! И он так же кричал и рыдал на могиле Лираны, проклиная жестокий темный мир. И он когда-то умолял о помощи, взывая к равнодушной пустоте, и просил время идти хоть чуточку быстрее. Но все было напрасно, время шло все также неторопливо и словно насмешливо, пустота безмолвствовала, а мир не разверзся и не забрал его в свое необъятное чрево.

На глазах вдруг проступила влага, но Рит сумел совладать с неожиданной слабостью.

– Я не знаю, малышка, – печально покачал головой он. – Не знаю, почему я выжил и зачем, ведь больше всего на свете я хотел уйти вслед за ней, моей Лираной. Но я выжил, значит, это кому-то надо.

– Я тоже хочу к ней, моей маме, – голосок девочки задрожал и оборвался, как лопнувшая струна. – Почему она оставила меня? Я просила ее, так просила, но она все равно ушла. – Девочка снова подняла на него глаза и с какой-то страшной жгучей мольбой и надеждой спросила: – Если я

снова горячо-горячо попрошу ее, она возьмет меня к себе? Мама ведь не может бросить меня здесь одну, она любит меня, а я люблю ее. Кто любит, никогда не бросит.

Рит вдруг порывисто обхватил руками съезжившуюся маленькую фигурку, прижал к груди, чувствуя, как горячие слезы побежали по щекам. Гложущая жалость, горечь и страх заполнили его сердце, застлали взор.

– Ну, что ты такое говоришь, детка? Услышь тебя твоя мама, она бы очень рассердилась, – спешно и сбивчиво говорил Рит, ласково глядя золотоволосую головку. – Ты еще такая юная, тебе еще жить, да жить. А все плохое и злое больше никогда тебя не коснется, нужно только немного потерпеть. Боль уйдет, обязательно уйдет, и ты снова будешь радоваться жизни, и твоя мама тоже будет счастлива, глядя с неба, как ты улыбаешься и взрослеешь.

Девочка уткнулась в его грудь и словно замерла, но Рит чувствовал, как содрогается ее обессилевшее тельце от новых душераздирающих рыданий.

– А сейчас плачь, плачь, дитя, – негромко говорил он, с какой-то глухой опустошенностью глядя в застывшую, усмехающуюся ночь. – Слезы облегчают страдания и приносят покой. Поэтому плачь, плачь...

Еще долгое время безмолвие чуть звенело от его тихого, успокаивающего голоса и беззвучных, сдавленных всхлипываний ребенка, пока не стихли и они. Круг чуткой тишины сомкнулся. Рит молчал, безучастно всматриваясь в хмурую

густую даль. Вновь его заглотили далекие воспоминания, закружили прежние неотступные печали, так похожие на эти серые угрюмые кладбищенские холмы. Он не сразу заметил, что девочка затихла и как-то обмякла в его руках. Рит улыбнулся: заснула. Осторожно, чтобы не разбудить, уложил ее поудобней, поплотней укрыл от случайного ветра, и снова понесся в мир, где было солнце, цвели цветы и журчала голубая вода. Старик живо, словно это было только вчера, видел густые приветливые чащи прохладных лесов, бескрайние поля лилового клевера, в котором можно было утонуть, далекие-далекие вершины гор, скрытые синим туманом, эти долгие дороги, так и льнущие к легким ногам и предлагающие идти, идти, идти без усталости на самый край юной земли. И когда-то он следовал по этим дорогам, не меряя расстояния, не считая дни, и множество рассветов и закатов распускались перед его глазами, затмевая своей красотой разум, но знал ли, догадывался ли он в то счастливое время, куда приведут его эти дороги. И знал ли кто-нибудь, что однажды мир погрузится в пучину столь глубокую и мрачную, что не останется даже надежды выбраться?

О, как несносен был этот тягостный мир! Так несносен, что хмурые могильные камни казались единственным спасением, единственной возможностью успокоить, утешить отчаявшийся дух.

Девочка спала, измученная своим непосильным горем, а Рит тихонько перебирал ее светлые, словно улыбающиеся

волосы и вспоминал Лирану. Впервые за долгое-долгое время в душе его воцарилось призрачное спокойствие, и он сидел, похожий на старую корягу издали, боясь шевельнуться и испугнуть это тонкое хрупкое ощущение. И его ничуть не смущали и не пугали близкие суровые могилы и звенящая тишина, что окружали его плотным кольцом. Он давно сроднился с ними, как с неизбежной и неотъемлемой частью своей жизни, ведь с тех пор, как не стало солнца, мир сам стал похож на огромную могилу, наполненную тишиной.

Незаметно для себя, Рит задремал. Перед глазами стояли нереальные багрово-красные, извивающиеся протуберанцы восходящего солнца, заполонившие полнеба. На них было больно смотреть, но Рит смотрел, чувствуя, как начинают слезиться глаза, потому что это было так красиво, так грандиозно, что спирало дыхание. Огромный, фантастический неправдоподобно оранжевый шар солнца поднимался все выше из-за края пылающего горизонта, грозя ослепить Рита, но он стоял, как заворуженный, не в силах отвести взгляда и повторял без конца, словно молитву: «Солнце! Солнце!»

– Проснитесь, дедушка! – зазвенел неожиданный испуганный голосок, вырвав его из дремоты.

На него смотрели взволнованные, широко распахнутые глаза девочки.

– Вам плохо? – все также испуганно спросила она.

– Плохо? Почему ты решила так, малышка? – удивился

Рит.

– Вы разговаривали во сне, и голос у вас был такой слабый, такой обреченный, что мне стало страшно, – девочка не отпускала глаз, все смотрела в его лицо внимательно и серьезно. – Я испугалась, что вам стало плохо, и разбудила. С вами и в самом деле все в порядке?

– Все хорошо, детка, не волнуйся, – успокоил ее Рит, улыбнувшись. Девочка тоже облегченно улыбнулась, сказала:

– Вы очень добрый, вы не похожи на других.

– Ты тоже чудесная добрая девочка, и я хочу, чтобы у тебя в жизни все было хорошо.

Та несмело и с какой-то тайной надеждой посмотрела на могилу матери, губы ее дрогнули, но она быстро отвела глаза в сторону, боясь не выдержать. Рит услышал ее тихий голосок:

– Мне приснилась мама. Она была такая красивая и счастливая. Я никогда не видела ее такой. Она уходила все дальше, дальше, а я бежала за ней, но никак не могла догнать. Я была так близко от нее, что слышала ее голос, видела ее распущенные, летящие на ветру волосы, ее глаза, ее легкое платье. А потом она повернулась ко мне, улыбнулась и исчезла. – Девочка подняла на него взор. – Она ушла? Ушла навсегда, ведь так?

– Да, девочка, она ушла, – печально кивнул Рит, – поэтому прости ее и отпусти, ведь там, на небе твоя мама по-на-

стоящему счастлива. Не сердись на нее, она сделала для тебя все, что смогла.

– Я знаю, но мне очень плохо и одиноко без нее. Я не смогу выжить одна.

– Ты не одна, крошка, – Рит ласково погладил ее золотую головку. – Мама не оставит тебя. И я тоже.

Девочка вскинула на него глаза, спросила тихо:

– Вы можете мне?

Рит улыбнулся.

– Конечно. Вот только я бы хотел узнать имя той, которой буду помогать.

– Меня зовут Эрана.

– А я Рит. Дедушка Рит.

– Спасибо вам, дедушка Рит, – порывисто произнесла девочка и добавила: – Наверное, это мама послала вас ко мне.

«Или это Лирана подала весточку о себе, послав мне тебя, крошка», – подумал Рит, глядя на золотые волосы Эраны, так напоминающие ему о жене.

– Пойдем, Эрана, – сказал он вслух. – Мы уже и так здесь засиделись.

Рит поднялся, по ногам побежали частые кусачие мурашки от долгого бездействия, но вскоре они прошли. Он в последний раз взглянул на тихое угрюмое кладбище, недалеко бледно просвечивали белые камни на могиле Лираны, Рит вздохнул и отвернулся. Эрана неподвижно стояла у камней, что-то беззвучно шепча, после чего бережно спрятала ча-

шечку и колечко и посмотрела на Рита.

– Идем, дитя, – позвал он и медленно побрел к дороге.

Почти весь путь провели в молчании, но это молчание не было тягостным. С каким-то неизведанным легким чувством Рит слушал, как его привычно одинокие шаги теперь сливаются с едва слышным торопливым топотком детских ног, и от этого ему было как-то непривычно радостно. Гнетущее одиночество вдруг несмело отступило, и Рит робко осознал, что впервые за долгие два года у него появилось общество. Он уже почти отвык от общения с людьми, и сейчас, ощущая, что рядом находится живой человек, был почти счастлив.

Вскоре девочка устала и начала отставать, хоть Рит и шел медленно.

– У меня отчего-то вдруг ноги ослабли, – виновато сказала она, когда Рит остановился.

– Да ты должно быть ничего сегодня и не ела? – догадался тот.

Эрана молча кивнула в ответ.

– Бедное ты дитя! – охнул Рит. – А я как назло ничего и не взял с собой. Но потерпи еще немного, недолго уже осталось. Придем, я тебя накормлю, спать уложу, и все будет хорошо. Давай руку, пойдем вместе, – он протянул ей ладонь, и Эрана доверчиво взялась за нее.

Весь остаток пути они и прошли так рука об руку, словно знали друг друга много лет, и со стороны могло показаться,

что это идут дед и внучка, возвращаясь с долгой прогулки, и это впечатление не мог скрыть даже густой сумрак, царивший вокруг.

Вскоре показался дом Рита. Как всегда, он был пуст, мрачен и неуютен, но сейчас старик не обратил на это внимания. Усадив Эрану за стол, он зажег лампу и принялся хлопотать, как заправская хозяйка. Через несколько минут на столе стоял нехитрый, но сытный ужин, а Рит с улыбкой смотрел на Эрану, которая хоть и была зверски голодна, но не спешила накидываться на еду.

– А разве вы не будете есть, дедушка Рит? – взглянула она на него.

– Ешь, Эрана, ешь, не смотри на меня. Я не голоден. В мои годы аппетит приходит все реже и реже, а тебе нужно расти.

– Спасибо, дедушка Рит, – поблагодарила девочка, поев. – Все очень вкусно. Может, вы все-таки поедите?

– Не волнуйся, я поем попозже. А теперь ложись спать. Я тут тебе устроил теплое гнездышко. Ляжешь и сразу уснешь.

Он заботливо укрыл ее одеялом и хотел уже уйти, но Эрана остановила его, сказав:

– Вас и в самом деле послала мне моя мама. Вы, наверное, мой ангел – хранитель, ведь таких добрых людей не бывает.

– Я ведь говорил, что твоя мама не оставит тебя. Ее нет рядом, но она смотрит на тебя с неба, переживает, утешает и по-прежнему любит свою маленькую Эрану. А ты помни ее счастливой и молодой и не печалься: те, кого мы любим,

всегда с нами.

– А Лирана тоже смотрит на вас с неба?

– Конечно.

– Она была красивой?

– Самой красивой на свете.

– Мама тоже была самой красивой. Дедушка Рит, а может небо решило забирать к себе самых красивых? – вдруг спросила Эрана серьезно. – Чтобы тоже любоваться их красотой. А как налюбуется – снова отпустит их на землю.

– Небо забирает не только самых красивых, детка. Оно забирает тех, чей срок жизни подошел к концу. У кого-то этот срок короткий, и они уходят от нас молодыми и красивыми, у кого-то этот срок длиннее, и они уходят, успев пожить, вырастить детей. Мы уходим с этой земли, потому что мы не вечны, уходим, исчерпав свою жизнь до конца, чтобы уступить место другим, которые также уйдут однажды, чтобы жили их дети.

– Значит, я тоже однажды уйду, дедушка Рит? И вы тоже? – спросила девочка, не отрывая глаз от него.

– Ты только начинаешь жить, детка, тебе незачем думать об этом. Тебе надо думать о жизни, о тех радостях, что ждут тебя впереди, а что будет после – о том никто не знает. Нужно просто идти своим путем, каким бы тяжелым он ни был.

– Дедушка Рит, – снова заговорила та, – а кто определяет срок жизни? Сам человек? Или небо? Или кто-то еще?

– Я не знаю, Эрана. Думаю, что этого никто не знает.

– Но ведь это несправедливо, что одни уходят молодыми, а другие – в старости, – жалобно проговорил ребенок. – Почему одним досталась короткая жизнь, а другим длинная? Почему одни мечтают о жизни, но умирают, и почему другие, мечтая о смерти, живут? Почему, дедушка Рит?

– Такова жизнь, Эрана, и такова смерть. Человек бессилен перед их могуществом, ему остается только принимать их такими, какие они есть. А теперь спи, хватит разговоров, – Рит поправил одеяло. – Спокойных снов.

– И вам добрых снов, – пробормотала девочка, закрывая глаза.

Через несколько минут она уже спала, и Рит тихонько вышел на улицу, сел на свой заветный старый пень. Вокруг был все тот же давящий полумрак, но сегодня он угнетал не так сильно, как вчера. Неожиданно его тесный скудный мирок расширился, стал чуточку светлее, ведь в нем так внезапно появился этот маленький, но совсем взрослый человечек, что сейчас спит в его доме. Случайно ли это? Или права была Эрана говоря, что кто-то с небес помог им встретиться? Она была так похожа на его Лирану! И это вдвойне усиливало его горечь и печаль, и в то же время отзывалось в сердце давними счастливыми воспоминаниями. Будь у них с Лираной дети, они могли бы подарить им таких же прелестных внуков. Не раз Рит мечтал понынчиться с крикливым карапузом, наблюдая, как он растет, учится говорить и ходить, но судьба решила по-другому, расстелив перед ним одинокий горький

путь. И Рит уже почти смирился со своим одиночеством, со своим горем, которые, он знал, однажды став невыносимыми, окончат его земные страдания, как окончили их для многих-многих до него. И может так лучше, что у них с Лираной не было детей, – порой думалось ему в порыве отчаяния, – ведь оставить их жить в таком мрачном, темном, безрадостном мире, на растерзание страданиям, несбыточным мечтам и сожалениям – что может быть хуже для родителей? Что может вырасти во мраке, кроме колючек и бледных худосочных сорняков? А он всегда хотел, чтобы его дети и внуки росли среди света и солнца, цветов и пения птиц, сильные красивые и счастливые, ведь только солнце дает красоту и силу.

Но, наверное, он был не вправе рассуждать о чужой жизни и решать, что хорошо для нее, а что – нет, вот только наблюдая за нынешней жизнью, Рит все больше и больше убеждался, что мрак не может взрастить ничего прекрасного и светлого. Те дети, что родились в темном мире и никогда не видели солнца, совсем, совсем не те, что были раньше, хотя, наверное, и они по-своему счастливы, но это иное счастье, недоступное тем, кто еще помнил прежний мир. И он не хотел такой жизни ни для себя, ни для кого другого, но он жил и порой отчаянно тосковал по своим несуществующим детям и внукам, которые бы могли разделить его одиночество и печаль. Они, возможно, были бы не бледными колючками и сорняками, возвращенными тьмой, а прекрасными розами и нарциссами, воспитанными его воспоминаниями о солнце,

свете и настоящей полной жизни.

И вдруг совершенно неожиданно появилась Эрана. Рит потянулся к ней сразу же, едва увидел. Почему? Потому что она так напоминала его Лирану с золотыми волосами. Потому что она напоминала его самого – отчаявшегося, одинокого, потерявшего вкус к жизни. И потому что она поразила его, перевернула его представление о нынешних сумрачных людях. Она была розой, непостижимым образом выросшей во мраке, осколком того мира, что был раньше, залитым дневным светом и белоснежными облаками, его воспоминанием, воплощенным в жизнь. Он не мог не потянуться к ней, не мог пройти мимо, не мог не заговорить и не мог не помочь.

И теперь Рит задумчиво сидел перед своим домом, вглядываясь в густой полумрак, и на губах его играла тихая, несмелая улыбка.

Старик лег спать далеко за полночь, долго прислушивался к тихому посапыванию девочки, столь непривычному в его пустом одиноком доме, пока сам не погрузился в чуткий беспокойный сон.

Проснулся рано, но, как обычно, вставать не спешил. Мысли вяло ворочались в голове, пытаясь вспомнить что-то важное. Рит наморщил лоб: ему привиделся такой странный, такой реальный сон, что он почти поверил в него. Старик грустно улыбнулся в темноту, чуть слышно вздохнул. Сон! Всего лишь сон! От нахлынувших горьких мыслей его от-

влек подозрительный звук: словно кто-то ворочался во сне. Рит подскочил, как ужаленный, непослушными руками зажег лампу и осторожно приблизился к широкой, обложенной теплыми шкурами, скамье. В пляшущем свете мягко заискрились рассыпавшиеся солнечные волосы, прикрыв сонное порозовевшее личико. Старик застыл, по его лицу медленно расплывалась широкая, какая-то несмелая улыбка. Он стоял, как изваяние, долгие минуты, не в силах отвести взгляда от спящего ребенка. Не сон! Это не сон!

Наконец, Рит очнулся, на ослабевших ногах дошел до стула, поставил лампу на стол. Мысли скакали в голове, перепрыгивая друг через друга, но одна – самая сильная, самая громкая затмевала все другие, и от нее старик чувствовал себя как никогда счастливым. Он не один!

2

Дни потекли быстрее, незаметнее. В их суете Риту даже некогда было погоревать и подумать о сером беспробудном сумраке. Да горе и тоска как-то и забылись, отошли на второй план, поутихли. Теперь его жизнь наполнилась новым смыслом и новым огнем. И это был совсем не тот мрачный, темный огонь и не тот пустой смысл, что наполняли его раньше. Это был светлый яростный огонь и глубокий чистый смысл – вырастить из Эраны прекрасную розу, способную смеяться искренне и ясно. Хотел дать ей хоть крошечный кусочек солнца, что до сих пор отражался в его побледневших и выцветших глазах.

Рит стал улыбаться чаще. В неспешном течении густого времени, готовя ли нехитрый завтрак или просто сидя у невыразительно-однообразного окна, старик то и дело прерывал свое занятие, чтобы тихо полюбоваться Эраной, и всякий раз робкая, но счастливая улыбка озаряла его тонкие бескровные губы.

Он за считанные дни привязался к девочке настолько, что теперь просто не мог представить свою жизнь без нее. Эрана же не отходила от него ни на шаг, помогая по дому, сопровождая на прогулках, и Рит не переставал удивляться ее рассудительности и серьезности. Да, Эрана была не по годам смышленным, открытым и взрослым ребенком, в яс-

ных глазах которого светились ум, понимание и скрытая печаль, обычно свойственная убеленным сединами старцам, прожившим многотрудные годы. Ее будто совсем не пугали ни полуголодные дни, когда Рит не мог добыть ничего съестного, ни вечная пугающая ночь, ни размытое неизвестное будущее, что маячило впереди тускло и безрадостно. Но все же она была ребенком: веселым, любопытным, азартным и удивительно светлым, и добрым. Рит не мог нарадоваться на нее. Но особенно он любил те долгие мгновения, когда вместе с Эраной они бродили по унылым окрестностям. Рит всегда ходил не спеша (сказывался возраст, да и ноги его были уже далеко не теми легкими крыльями, что раньше), зато Эрана задорно носилась вокруг него, лепеча что-то беспечное и милое. В такие минуты старик не замечал эти мрачные пустынные окрестности, погруженные в столь же темный жадный полумрак.

Перед ним было чистое, поросшее мягкой зеленой травой поле. Эрана озорно смеется и бежит легко, как ветер, и изумрудные стрелки хлещут ее босые ноги. Это очень щекотно, и она смеется пуще прежнего. А Рит идет себе неторопливо, нежно касаясь ладонями шелковистой, такой нестерпимо зеленой травы и не может сдержать смеха и слез. Да, он плачет и смеется, глядя на юную Эрану. Как она красива! Воздушно летят длинные золотые волосы, словно тонкая радужная паутинка, сияют глаза, и вся она так похожа на сказочную переливающуюся бабочку, что беззаботно порхает с цветка на

цветок, залитая ярким потоком полуденного щедрого солнца. Она кружится вокруг него, собирая скромные, но такие прекрасные полевые цветы, вдыхая их удивительные тонкие ароматы, и в ее распахнутых глазенках столько восторга и счастья, что у Рита перехватывает дыхание. Такие же восторженно-счастливые глаза были и у его Лираны, когда она свивала венки из скромных, но таких прекрасных полевых цветов, когда ветер трепал ее длинные золотые волосы, когда она весело, как девчонка, носилась по траве босиком, и округа оглашалась ее задорным голосом.

Рит поспешно вытер набежавшие слезы, заметив, что Эрана торопится к нему.

– Красивые, дедушка Рит? – девочка протянула ему сжатую в кулачок ладошку, ее глаза так и искрились, словно два солнышка. – Правда, они красивые, эти цветы?

Рит остановился. В одну секунду исчезло зеленое поле с веселыми искорками цветов. Перед ним вновь щерилась унылая пустота. А девочка смотрела на него своими лучистыми, словно впитавшими солнечные теплые дни, ясными глазами и тянула к нему сжатую пустую ладошку. Но старик видел в ней еще секунду назад ярко-розовые нежные маки. Но откуда? Откуда она может видеть цветы, которые исчезли с лица земли еще задолго до ее рождения? Цветы, о которых и у него, старика, остались лишь горькие далекие воспоминания? Неужели и этот ребенок видит вокруг не голую землю, скрытую густым туманом, а, как и он, нечто красивое,

солнечное, благоухающее, что некогда было не воспоминанием, а сладкой явью? Возможно ли это? Но глаза Эраны излучали такую искреннюю радость, удивление и полет, которые может вызвать лишь лицезрение чего-то грандиозного, волшебного и восхитительного, но никак не это окружающее страшное безмолвие.

Да, этот ребенок был действительно необыкновенным. И тем обидней и горше, что родился он в столь неуютном жестоким мире.

Рит улыбнулся как можно свободней, сказал:

– Очень красивые цветы. Где ты нашла их?

Эрана расцвела.

– Вон за тем бугорком, – ее рука указала куда-то за спину, где и в самом деле был какой-то песчаный расплывчатый нанос, похожий на чей-то уродливый горб. – Там их так много, что прямо глаза разбегаются! Пойдемте туда, дедушка Рит, я вам покажу, как их много! – Девочка ухватила его за ладонь, потянула. В ее глазенках горел азарт и желание удивить. Но Рит не двинулся с места. Будь он сейчас на зеленом, залитом солнцем поле, как она, пошел бы за ней, не раздумывая, но, к сожалению, он стоял посреди безжизненных земель, и глаза натыкались на ненавистный полумрак. Воспоминания и питаемые ими чувства погасли, ушли, краски прошлого поблекли, и солнце закатилось за дымный горизонт. Сегодня оно уже не появится, как бы он ни хотел, как бы ни просил.

– Извини, Эрана, я бы с радостью полюбовался твоими

цветами, но сейчас, боюсь, не дойду: ноги что-то разболелись. Давай в другой раз, хорошо?

– Хорошо, – легко согласилась та. И по ее глазам Рит понял, что она все еще далеко от этого чуждого им мира. Вот только он не знал, к добру ли это или к худу.

Но жизнь вновь потекла своим чередом. И неспешно текла до тех пор, пока однажды Эрана не проснулась в слезах.

– Что случилось, малышка? – обеспокоенно спросил Рит, как всегда в это время задумчиво сидевший у окна. – Ты плачешь?

– Мне приснилось солнце, дедушка Рит, – тихо и заворуженно отозвалась девочка, не утирая слез. – Настоящее солнце, о котором мне рассказывали! Оно такое огромное, горячее и красивое! В его лучах так тепло, а вокруг светло-светло! Я никогда не видела столько света! Это так удивительно и так нереально! Я смотрела на него, пока оно не обожгло мне глаза, и я проснулась! Скажите, дедушка Рит, солнце оно действительно такое, как я видела, такое красивое? – Ее глаза – огромные, блестящие, влажные – впились в морщинистое лицо старика.

– Солнце? – тихо, как эхо, повторил Рит. Он удивленно и широко смотрел на девочку, словно увидел впервые.

Та в ответ лишь кивнула головой, будто на слова уже не было сил.

– Откуда ты знаешь про солнце, дитя? Ведь ты так юна, а солнца нет давным-давно.

– Мне рассказывала о нем моя мама, – как-то жалобно проговорила Эрана, теребя пальчиками край одеяла. – А маме – ее мама, моя бабушка. Она умерла уже давно, но видела настоящее солнце. Бабушка очень любила солнце. И мама тоже, – грустно добавила девочка, опустив взгляд. – Она часто рассказывала мне о нем, и ее глаза всегда сияли и светились, словно она видела его перед собой. ««Солнце большое-большое и теплое-теплое», – говорила мама. – Оно похоже на яркий ослепительный оранжевый шар, окруженный жаркими лучами. И, когда этот шар появляется в небе, оно становится голубым-голубым, и весь мир вокруг превращается в сказку, залитую радостным светом. Всюду растут красивые ароматные цветы и густая шелковая трава. Воздух так прозрачен, что видны далекие горизонты. Мир полон красок, звуков и жизни. Даже ночи светлые и такие же прекрасные, как и дни. Солнце освещало землю каждый день, и это было так же естественно, как нынешний сумрак. Нет ничего удивительней и желанней, чем солнце». – Эрана подняла голову, словно только проснулась, чуть улыбнулась. – Так рассказывала мама. Скажите, оно действительно такое, дедушка Рит? Вы ведь видели солнце? – В ее глазах была почти мольба.

– Да, малышка, твоя мама была права: солнце прекрасно. Оно прекраснее всего на свете, даже, когда скрывается за тучами, когда играет на твоей щеке шаловливым лучом, когда рассыпает искры на речных перекатах, когда ласкает макуш-

ки деревьев, когда растапливает снега, когда просто светит. Солнце – это жизнь, а тьма – это существование.

– Но почему его нет сейчас, дедушка Рит? – взволнованно спросила Эрана.

– Я не знаю, детка, – вздохнул тот. – Да это уже и неважно, ведь солнца нет много-много десятков лет, и никто не помнит его и не знает о нем.

– Но знаю я! – воскликнула девочка. – И помните вы!

Лицо старика сделалось испуганным.

– Лучше никогда, слышишь, никогда не говорить об этом вслух, дитя!

– Но почему? – почти крикнула та.

Рит понизил голос, словно их могли подслушать сами стены.

– Говорят, что на стариков, таких, как я, что еще не умерли сами, охотятся какие-то люди. Говорят, что это приказ властей: извести, уничтожить всех, кто еще может помнить прежние времена.

Эрана содрогнулась.

– Но зачем это?

– Если бы я знал, – вздохнул Рит. – Когда меня покинула Лирана, я даже хотел, чтобы и меня забрали, но никто не пришел ко мне. А сейчас у меня появилась ты, малышка, и я боюсь, смертельно боюсь потерять тебя. Наверное, мне лучше было бы давным-давно забыть о солнце, а тебе лучше было бы никогда не слышать о нем и о том, как было раньше.

Его уже никогда не вернуть, а мы лишь понапрасну мучаем себя миражами. Тем более я не хочу, чтобы и с тобой что-нибудь случилось. Лучше забыть о нем и никогда, никогда не вспоминать, – совсем тихо закончил он, и глаза его вдруг увлажнились.

– Но я жила этими рассказами, дедушка, – она сияла каким-то очарованным светом. Наверное, также сияла и ее мать, когда она говорила о солнце. – Я представляла себе другой мир, полный света, радости, красок. Я рисовала в воображении этот сказочный, яркий шар с горячими лучами, который делал все вокруг совсем другим, и порой даже видела его во сне. Он такой нереальный, такой ослепительный, такой неповторимый! Теперь я понимаю, почему этот сумрачный мир кажется таким невыносимым, почему умирают те, кто видел солнце, почему ушла моя мама, почему вы, дедушка Рит, всегда печальны. Тоска по солнцу, по прежнему светлому миру сожгла их и точит вас. Ведь это так?

Рит ласково погладил длинноволосую головку. Ответил не сразу, погружившись в свои мысли.

– Да, Эрана, это так. Мы слишком любили солнце, этот светоч, дарящий тепло и красоту, и эта любовь сгубила нас. Сумрак сдавил так сильно, что стало нечем дышать. И именно поэтому я боюсь за тебя, малышка. Боюсь, что и тебя он сдавит столь же сильно и погубит. Забудь про те рассказы, Эрана, они все равно несбыточны. Тебе не стоит губить свою жизнь из-за того, чего не вернуть. Послушай старика, дочка.

Обещай, что больше не скажешь ни слова о нем.

Эрана ласково улыбнулась и совсем по-детски признательно обняла его за талию, прижавшись щекой к животу старика, сказала:

– Я люблю вас, и я люблю солнце. И вы, и оно помогаете мне жить дальше. Но вы здесь, рядом, вы настоящий, и вас я люблю больше, поэтому, обещаю, что буду жить, несмотря ни на что ради вас, дедушка Рит.

3

После этого их разговора прошло немало дней, но Рит все никак не мог забыть его. Не давало покоя беспокойство за Эрану. Но девочка росла, улыбалась, заботилась о нем, как и прежде и разговоров о солнце больше не заводила. Вот только Рит нет-нет да замечал ненароком, как Эрана порой тоскливо и безнадежно смотрит в унылые мрачные небеса, тихонько вздыхая, а в глазах дрожат скрытые слезы. В такие мгновения сердце старика надрывалось, и беспокойство бушевало с удвоенной силой. Но вскоре девочка вновь была спокойна и сдержана, и Рит успокаивался. Правда ненадолго, потому что Эрана все чаще тайком плакала по ночам, ее то и дело охватывала печаль и рассеянность, и она уходила куда-нибудь, чтобы он не видел ее состояния. Вернувшись, девочка щебетала и улыбалась, но Рит себе места не находил. Он так привык к девочке, что от его чуткого взгляда не могли укрыться даже малейшие изменения ее настроения. Он видел, что Эрана медленно, незаметно для чужого взора угасала, чахла и не на шутку перепугался. Не раз пытался поговорить с ней, но девочка каждый раз уклонялась от серьезного разговора или все переводила в шутку.

Но день ото дня печаль ее становилась глубже, скрывать грусть и тоску было все труднее, и Рит понимал, что теряет девочку. Сумрак заполнял, давил ее нежную неокрепшую

душу, как давил души тех, кто жил в прежние времена и которых уже давно не было на свете. Тот же сумрак съедал и его, но он был стар, и ему уже нечего было желать, не к чему было стремиться, кроме скромной могилки на одиноком кладбище. Его стариковская печаль и тоска были понятны. Слишком ярки воспоминания о прошлом, но Рит не мог смириться с тем, что Эрана, никогда не видевшая красок, цветов, голубого неба, мучается и засыхает. Она была ребенком этого мрачного неуютного скудного мира, но это был ее мир.

Сотни таких же детей живут на этой земле, воспринимая окружающую действительность как данность, как неотъемлемую часть мироздания, и их не тревожит отсутствие света, деревьев, травы, солнца, ведь они не знают, что это такое. И эти дети счастливы, как любые другие дети, они беззаботны и веселы, потому что это их мир, они родились в нем, и они никогда не видели ничего другого.

Эрана должна была быть одной из этих детей ночи, играть, безобразничать и шалить, как они, а не жить на отшибе, как изгой, со стариком, существование которого идет вразрез с нынешним обществом, со стариком, которого вообще не должно быть на свете. Но ей выпал другой тяжелый удел, удел стариков. И сейчас Рит горько жалел о том, что однажды девочка услышала рассказы матери о былом. Она не должна была знать ни о ясных, безоблачных днях, ни о солнечном свете. Она не должна была смущать свой разум несбыточным и давно ушедшими образами. Но Эрана узнала о солнце, и

теперь гнетущий мрак казался ей нестерпимым и жалким. Девочка страдала и задыхалась, а Рит не знал, что делать.

Дни стали тянуться тягуче медленно, как было раньше, вновь навалилась непосильным грузом вся тяжесть жизни, и мгла, что с появлением девочки побледнела и как-то съежилась, вдруг обрушилась на его согбенные плечи всей своей силой. Загоревшиеся было новым огнем его глаза, погасли, мучительные думы и переживания состарили его намного быстрее и безжалостнее, чем время, но старик не замечал этого. Все его помыслы сосредоточились на Эране, он думал, как же помочь ей.

Безумное решение пришло внезапно, когда однажды девочка перед сном вдруг спросила его.

– Дедушка Рит, ведь может быть такое, что когда-нибудь солнце вновь вернется к нам?

– Конечно, может, милая, – отозвался старик печально. – Поэтому не стоит отчаиваться, надо верить и желаемое обязательно сбудется.

Эрана тихо, почти шепотом сказала:

– Я слышала, как говорили, что в далеких-далеких землях творятся настоящие чудеса.

Сердце Рита забилось быстро-быстро в каком-то тоскливом предчувствии.

– Какие же это чудеса, детка?

Глаза ребенка засияли каким-то мечтательным, почти поусторонним светом, когда она заговорила:

– Говорят, что в этих забытых невиданных землях небо становится светлым-светлым и высоким-высоким, а над горизонтом поднимается нечто ослепительно-яркое, горячее, поразительное все выше, выше, и вокруг становится так ясно, так чисто, так огромно, что человек похож на маленькую песчинку. Я знаю, дедушка Рит, это солнце! – по ее бледным щекам вдруг побежали слезы. – Это оно, оно!

Рит робко обнял ее за хрупкие плечики, словно хотел удержать возле себя во что бы то ни стало, проговорил:

– Перестань, Эрана, ты же взрослая девочка и тебе не пристало плакать, как новорожденное дитя.

Да, Рит и сам несколько раз слышал эти размытые, полудикие, чудовищно раздутые, необычайно далекие от истины, слухи, когда тайком пробирался в поселение в надежде найти хоть какую-то провизию. Там у него было несколько знакомых, которым он мог доверять, и которые жалели старика – отшельника, не сдавая его властям. От них-то он и услышал эти странные, весьма неправдоподобные слухи о дальних- дальних, давным-давно позабытых землях, в которых есть солнце. Настоящее обжигающее солнце, голубое небо, высокие деревья и зеленая трава. Поначалу Рит лишь посмеивался, слушая этот бред, который пересказывался как вымышленная развлекательная байка, чтобы скоротать вечерок. Потом задумался. Потом поверил. Но порой ему отчаянно хотелось ничего этого не знать, ведь жить, зная, что где-то есть солнце и цветы и не в силах прикоснуться к ним,

было просто нестерпимо. Но он прятал свою тоску, как мог, смертельно боясь, что эти слухи дойдут и до его Эраны. И вот они настигли ее, как он и боялся.

Рит понял, что впадает в панику.

– Скажите только одно, дедушка Рит, – проговорила девочка, уткнувшись ему в плечо мокрой щекой, – те края, где светлое-светлое небо действительно существуют?

Старик понял, что отступать уже поздно: Эрана поверила. Тяжело ответил:

– Даже если они и существуют, то так невообразимо далеко, что туда не доберется ни один смертный человек. Путь туда закрыт для всех.

– Почему? – горестно воскликнула девочка. – Почему, ведь там солнце?

– Потому что мы так долго живем без солнца и света, что перестали понимать смысл этих слов! – не выдержав, быстро и горячо заговорил старик. – По солнцу и свету тоскуем только мы, да еще пара таких же горемычных стариков, как и я, до которых еще не добрались, чтобы заставить их умолкнуть навсегда! Почему, по-твоему, им не оставить этих бедолаг в покое доживать свой век, почему на них охотятся, как на каких-то преступников? Да потому что своими рассказами о былой жизни, своими воспоминаниями о солнце, красках, свободе они смущают людей, они сеют в них ненужные сомнения, рассуждения, мечты, любопытство, которые вовсе не нужны в этом скучном, монотонном, но предсказу-

емом и управляемом мире. И даже если действительно есть такие края, где светит солнце и по синему небу гуляют белые облака, туда не попадет никто из этого сумрачного мира.

– Почему, дедушка Рит? – в глазах Эраны стояло непонимание и удивление.

– Потому что о солнце уже никто не помнит, – горько усмехнулся тот, – кто-то очень постарался, чтобы даже воспоминания о нем стерлись навеки. Не знаю, кому это надо и для чего, но я знаю лишь одно: солнце уже не нужно в этом мире, и никто не печалится, что его нет.

– Мы печалимся, дедушка Рит. Оно нам нужно.

– Только нам, Эрана, только нам. – Сокрушенно покачал головой старик и погладил девочку по голове, утешая. – Солнце всегда с нами в наших воспоминаниях, нашей памяти и в нашем сердце.

Прошло несколько тягостных дней. Эрана была удивительно спокойна и немного задумчива и вела себя так, словно не было никакого разговора о чужедальних землях. Зато Рит не находил себе места: что-то подсказывало ему, что грядет что-то страшное и непоправимое, и он с тревогой ожидал этого. И он оказался прав, потому что как-то Эрана подошла к нему и произнесла то, чего Рит так боялся.

– Мне нужно поговорить с вами, дедушка Рит.

И он узнал, что Эрана собралась уходить.

– Вы стали мне родным, дедушка Рит, – говорила она, – и я не хочу причинить вам боль, ведь вы так много сделали для

меня, но я не могу больше оставаться здесь. Я должна идти.

– Зачем, Эрана? – в отчаянии воскликнул старик, чувствуя, что погружается в отчаяние, как в болото. – Ты умрешь в пути, не найдя ничего, кроме пустоты!

– Разве вы не знаете – зачем? Не вам ли знать, каково это – жить в мире, где нет ничего, нет самой жизни, зная, что где-то есть свет и солнце! Я хочу другой жизни, дедушка Рит! Я не хочу прозябать в сумраке, как остальные, я хочу греться в теплых лучах, хочу увидеть светлое небо, как хотела моя мама! Я не хочу умереть, как она, от тоски. Поэтому я и хочу идти в те земли. Ведь вы понимаете меня?

– Солнца нет, Эрана! – почти крикнул Рит, враз ослабев. – Оно погасло и уже не вернется! Его нет здесь, и нет нигде! Всюду этот проклятый мрак! – Старика вдруг бросило в дрожь, и он, упав на стул, зарыдал. Как ненавистны ему были его ложь, его слова, брошенные Эране в лицо в порыве отчаяния, эта бесконечная полутьма, сам мир – темный и несносный, лишивший его сначала Лираны, а теперь и его малышки.

Девочка отшатнулась.

– Это неправда, – прошептали ее губы. – Вы не можете меня обмануть. Я вам не верю, – в ее глазах заблестели слезы, и она выбежала из дома.

Рит еще долго не мог утешиться. Так плохо ему не было со дня смерти его Лираны. Он чувствовал себя дряхлой немощной руиной, осыпающейся под собственной тяжестью.

Прожитые годы давили особенно ощутимо, и ему казалось, что он не сможет сделать и шагу. И ему хотелось исчезнуть навсегда, завершить этот долгий трудный путь, но мысли об Эроне будили в нем тот огонек, что заставлял его жить дальше. Медленно высохли слезы, и вместе с тем возвращалась трезвость рассудка. Отчаяние сменялось решимостью, и вскоре Рит знал, что ему делать дальше.

Эраны все не было и, забеспокоившись, старик отправился на ее поиски. Он нашел девочку недалеко от дома, сидящей на одиноком камне. В глазах ее блестели капельки высыхающих слез.

– Прости, милая, я не хотел тебя обидеть. Просто я очень боюсь потерять тебя.

– Это вы меня простите, дедушка Рит, – отозвалась та, – ведь вы никогда мне не лгали.

Сердце старика кольнуло.

– Вы не сердитесь на меня? – спросила девочка с надеждой.

– Конечно, нет. Только скажи, ты действительно хочешь уйти?

Та только молча кивнула головой.

– Это опасно, Эрана. И ты совсем не знаешь, куда идти. Туда можно идти всю жизнь, но так и не дойти.

– Я знаю, но все равно хочу идти. Поймите меня.

Рит вздохнул.

– Я понимаю, малышка, и именно поэтому я решил пойти

с тобой.

В глазах девочки медленно росли изумление, недоумение и неверие.

– Вы серьезно, дедушка Рит? – оторопело спросила она.

– Если ты решила идти, несмотря ни на что, я не могу отпустить тебя одну. Или мы дойдем и увидим солнце, или умрем в пути. Так или иначе, но мы будем вместе. – Рит понимал, что совершает самую большую глупость в своей жизни, которая может убить Эрану, но она поверила в эти размытые рассказы всем сердцем, и он уже не мог ее остановить. Все, что он теперь мог сделать – это пойти с ней и сгинуть в каких-нибудь нехоженных краях.

4

Этот долгий, почти бесконечный путь начался на следующий день. Эрана до последней минуты отговаривала старика идти с ней, страшаясь за него, но Рит был неумолим. Теперь, когда он понял, что девочка не отступит, не остановится, оставаться одному в этом доме было невыносимо. И он решил следовать за Эраной хоть сколько далеко и долго, защищать ее и оберегать, пока будут силы, и может этим они чуточку приблизятся к своей мечте.

Проходили дни, окрашенные однообразным полумраком, и они походили на двух бестелесных призраков, что блуждают по голой земле в надежде найти покой.

Их дом остался где-то далеко позади, превратившись во что-то недостижимое, размытое и почти мифическое, как горсть песка в руках, что осыпается, оставляя лишь воспоминания. А впереди виднелась бескрайняя многотрудная дорога в никуда, дорога без конца, дорога, полная сомнений, отчаяния и страха, дорога, которая могла растянуться в целую жизнь.

Но Эрана не знала этого и поэтому летела вперед, как на крыльях, ведомая своей верой и мечтой. Ее дорога была самой счастливой и долгожданной, ведь в конце ее ждало то, что она любила и лелеяла больше всего – солнце.

На частых перевалах Эрана без умолку говорила о том,

как они будут жить в другом мире, где все по-другому, где нет мрака, а лишь свет и радость. И, глядя на ее вдохновенное, полное надежды лицо, Рит и сам начинал верить, что так оно и будет. Девочка, желая того или нет, разжигала в нем уснувшую было веру, воспоминания, и старик наполнялся вдруг новой силой, новой энергией, и дорога уже не казалась столь тяжелой и бессмысленной. Но они уходили все дальше и дальше, казалось, в самый центр мира, где еще не ступала нога человека, и Рит все четче и яснее осознавал, на что он обрек и девочку и себя. Вокруг без конца и края растилалась огромная пустыня, полная безмолвия и голодной жадности, один лишь взгляд на которую наводил безысходную тоску и лишал любой, даже самой безумной надежды. Но Эрана не остановилась, она смело ступила в эту мрачную пасть, и старику не оставалось ничего другого, как последовать за ней.

И снова они шли, шли в бесконечность, как безумцы, потерявшие рассудок и которым все равно, какой дорогой идти. Силы старика слабели с каждым днем, Рит чувствовал, как они уходят капля за каплей, впитываясь в эту бесплодную землю, но, не давая ей ничего. Огромный путь истощил его, как вода – камень, и он слабел, не находя больше ни веры, ни энергии, чтобы напитаться ими. Но он шел, ведомый любовью к Эране, скрывая свою немощь и отчаяние.

Привалы становились все чаще, Рит все молчаливее. Но в отличие от внешней задумчивости и замкнутости, внутри

него разрывались тысячи мыслей, не оставляя ни на минуту. Рит медленно осознал, что за его страхом и отчаянием появляется нечто совсем другое, нечто свободное, легкое, такое, что бывает в детстве, когда веришь во все нереальное вопреки всему и всем. Он то и дело ловил себя на мысли, что постоянно поглядывает на темное небо с какой-то затаенной, но горячей надеждой увидеть хоть крошечное светлое пятнышко или проблеск красок. Несбыточная тоска по солнцу забила в старой груди раненной птицей, с новой силой вспыхивали древние образы из прошлой жизни, и, казалось, Рит грезил ими наяву. Все чаще в своих тревожных, коротких снах ему являлось яркое оранжевое светило, и он бежал к нему, вновь став пылким юношей.

Эрана прекрасно видела, что силы все быстрее и быстрее покидают старца и мучительно переживала, но Рит, как мог, успокаивал и утешал напуганную девочку. Это странное путешествие больше не казалось ему безумием. Он знал, что скоро силы покинут его совсем, и он останется в этих пустынных землях навсегда, но это не пугало и не печалило его. Напротив, старик был благодарен Эране за этот долгий путь.

– Это такое счастье – идти за своей мечтой даже из последних сил, Эрана, – говорил он ей, улыбаясь. – И если меня ждет смерть на этом пути, я ни о чем не жалею, ведь я следовал за тобой, малышка, а ты – дитя солнца, ты дала мне поток живительного воздуха и тепла.

И снова тянулась пустота, удивленно глядящая вслед двум

путникам, забредшим в столь далекие забытые всеми края.

Рит выдохся, он едва брел, то и дело останавливаясь, чтобы собрать остатки сил. Эрана тоже устала. На очередном привале она заснула, а Рит неподвижно сидел на земле, бесцельно глядя в серый сумрак. Проходили минуты, часы, а старик будто дремал с открытыми глазами. Он не сразу заметил, что глухая однообразная пелена неба словно бы чуть-чуть побледнела, выцвела, но Рит смотрел и не видел. А небо над ними утратило вдруг свою привычную сумрачность, став немного другим и незнакомым. Старик тихо ахнул.

– Эрана! – позвал он взволнованным голосом.

Девочка проснулась моментально и, не успев ничего сказать, замороженно воззрилась на небо.

– Что это, дедушка Рит? – шепотом спросила она, словно боялась спугнуть видение.

– Я...я не знаю, – запинаясь, проговорил тот. В горле вдруг пересохло, как в старом колодце.

– Мы дошли, дедушка Рит! – на исхудавшем лице Эраны расцвела улыбка и вместе с тем – слезы. Она была счастлива, и, быть может, впервые в жизни.

Но вскоре посветлевшее небо вновь затянулось, нахмурилось унылой мглой, словно ничего и не было.

– Нужно идти, дедушка! – заторопилась Эрана. Ее лихорадило от неизведанных ранее чувств и эмоций, и она была готова бежать, сломя голову, предвкушая приближение чуда.

– Идем, конечно, идем, детка, – тяжело поднялся Рит. Как

же и ему хотелось броситься вперед быстрой птицей вслед за Эраной. Как он понимал ее состояние, ее нетерпение! И старик заторопился, как мог, насколько позволяли его тающие силы, не думая, надолго ли их хватит. А девочка летела, как на крыльях, забывая обо всем на свете, но Риту было радостно видеть ее сияющие глаза. И они шли, вновь шли, взбивая пыль усталыми ногами, и каждый день небо над ними становилось немного светлее, немного выше и, казалось, что и дышать все легче и легче.

Рит давно потерял счет бесконечным дням, которые складывались в недели, месяцы, годы или века, он с трудом волочил ноги, заставляя себя идти усилием воли, видя сострадающие глаза Эраны, но однажды на очередном привале старик понял, что больше не сможет идти. Он полулежал на земле, прислонившись к камню, и безотрывно смотрел в небо. Эрана сидела рядом и, взяв его за руку, беззвучно плакала. В молчании прошла череда часов. Усталость отступила, вместо нее чувствовалась странная легкость и опустошенность. Страх не было, как не было и сожалений. Осталась лишь грусть о том, что он так и не увидит солнце.

– Не печалься, милая, – спокойно сказал он. – Все будет хорошо.

– Не оставляйте меня, дедушка Рит! – в отчаянии воскликнула Эрана.

– Ну, ну, успокойся, – слабо улыбнулся тот. – Я здесь, с тобой. Мы всегда будем вместе. – Он говорил, а глаза его

смотрели в медленно светлеющее небо. Окружающая пелена редела, словно испугавшись чего-то. Вскоре уже можно было разглядеть далекий, почти забытый горизонт, подернутый мутной серой дымкой. А над ним слабо-слабо розовело небо, с каждой минутой наполняясь силой и яркостью. Исчезла мутная мгла, обнажив такой страшный и вместе с тем головокружительный простор. Казалось, что кто-то огромный, невидимый и всесильный вдруг сорвал с лица мира сумрачный занавес и открыл его истинный ничем неприкрытый лик, который никто не видел уже многие-многие, почти бесконечные годы.

Быстро разлетелся на куски потревоженный полумрак, словно внезапно спугнутое воронье, отступая перед этим ярко разгорающимся розовым нечем, полыхающим на полнеба. Оно устрашало и зачаровывало, оно было столь неизведанным и прекрасным, что взгляд не видел больше ничего вокруг.

Рит замер, распахнув глаза. Он узнал это нестерпимо розовое полыхающее небо. Узнал сразу, и сердце его вдруг защемило с такой силой, что навернули слезы. О, сколько раз он видел это чудо в своей жизни! Но никогда оно не было так долгожданно, прекрасно и желанно, как сейчас после стольких лет ночи и отчаяния. Над тихими обнаженными землями распускался рассвет.

– Дедушка Рит! – ахнула Эрана, не в силах отвести глаз от горизонта.

– Иди, малышка, – тихо подтолкнул ее Рит. – Ты нашла то, что искала.

– Но... – девочка схватилась за старика, словно новый мир испугал ее. – Мы пойдем вместе, дедушка Рит?

– Иди, Эрана, а я пойду за тобой. Только не бойся, не отставляйся, там твоя жизнь, другая светлая жизнь. Иди же, милая, и знай, что я всегда буду с тобой.

Девочка стояла, раздираемая сомнениями, наконец, опустилась рядом со стариком, сказала:

– Мы всегда будем вместе, – и, поцеловав его в лоб, медленно пошла прочь.

Рит смотрел ей вслед. Сердце билось часто, неровно, с болью, но он не замечал этого. На его глазах из-за огромного горизонта торжественно и величаво, словно понимая важность момента, поднималось оно – ослепительное, невозможное и родное. Брызнули теплые лучи, прорезая безмолвное, оглохшее и ослепшее пространство, ударили в бледное, иссохшее лицо старика, осветили уставшую землю и бросились врассыпную, заглядывая в каждый уголок, как озорные дети.

Солнце победно поднималось над тихим краем, даря счастье и восторг и, казалось, плачет от избытка чувств сама земля. И плакала не только земля, плакал и Рит. Из серого невыносимого сумрака он вдруг оказался в прежнем, светлом мире, который он помнил и который так часто видел во снах.

– Я дождался тебя, дождался, – прошептал старик. – И мне теперь не страшно умереть, ведь все, чего я хотел и о чем мечтал – это увидеть тебя еще хоть разок. И теперь я прошу лишь об одном – позаботься об Эране, пусть она будет счастлива, ведь она – дитя солнца, твое дитя.

И солнце улыбалось ему и ласкало гаснущее, но спокойное лицо, словно просило не уходить и пыталось дать часть своего тепла и силы тому, кто, даже лишившись всего, не забыл и не предал память о нем.

– Спасибо, – едва слышно проговорил Рит то ли солнцу, то ли девочке, что уходила в новый мир. На душе было волнительно и радостно, как в тот день, когда он впервые встретил Лирану, красивую, нежную и солнечную.

Наверное, она ждет меня, – с улыбкой подумал Рит, глядя на далекий горизонт. Последнее, что он видел, это горячий шар солнца и маленькая фигурка удаляющейся Эраны. Ее длинные светлые волосы развевались на ветру, сливаясь с яркими лучами и, казалось, что она сама сияет ослепительным теплым огнем подобно небесному светилу. И Рит знал, что ее огромные голубые глаза полны слез и счастья, и поэтому ему было спокойно и совсем не страшно.

Плакала земля, впитывая нежное тепло, дрожал робкий прозрачный воздух, и несмело синело высокое небо, скинув оковы ночи.

Она ушла за далекий манящий горизонт. Ушел и он. А новорожденное солнце неспешно поднималось, напоминая

то время, когда росли и распускались цветы...